

И Толстой, и Достоевский по-разному, но оба отрицают европейский мир, цивилизованный и буржуазный, и они — предшественники революции. Но революция их не признала, как и они бы ее не признали.

Н.А. Бердяев

Предисловие

Являясь наиболее плодоносящей в отношении зла, и обнаруживая его в явных и, так сказать, созревших формах, она тем самым служит и добру.

С.А. Аскольдов

Под русской революцией понимается в данной работе совокупность событий, происшедших в России в 1905—1907 гг. (первая русская революция) и в 1917 г. (вторая русская революция), которые привели к кардинальному изменению экономических, политических и идеологических реалий страны и оказали большое влияние на многие регионы планеты. Русская революция была таковой не только по месту проведения, но (частично) и по своей сути. Она стала закономерным событием мировой истории и в то же время это первая социалистическая революция, и произошла она в эпоху империализма, что сообщает ей формационную и цивилизационную специфику. Она несет на себе отпечаток русской идеи, национального характера и менталитета народа, демонстрирует трагическую роль расколотости российского общества со времен Петра I.

Русскими цивилизационными основами и альтернативами революции я называю концепции, находящиеся в цивилизационном ядре русской культуры, которые в той или иной степени повлияли на русскую революцию и в то же время были альтернативными тем, которые осуществляли главные деятели революции. Цивилизационная основа революции 1917 г. вошла в нее в виде идеальных конструкторов, национального характера и менталитета, но приняла, столкнувшись с марксизмом, деформированную, искаженную форму, оставшись в чистом виде как альтернатива революции. Вообще идеальные основы искажаются при их воплощении в жизнь, и их первоначальный вид воспринимается как альтернативный той

реальности, которой они становятся. Смысл идеальных конструкций в том, что они выявляют главные противоречия, существующие в обществе, и формулируют пути их преодоления. Данные противоречия являются предпосылками тех изменений, которые происходят в результате революции, а предложенные этими идеальными конструкциями решения становятся альтернативами революционных изменений, поскольку в реальности революций проблемы никогда не решаются полностью, а происходит их сдвиг.

Считается, что история не имеет сослагательного наклонения. Если рассматривать ее как реальную последовательность событий, то с данным утверждением можно согласиться. Но историософия и философия истории не только могут, но и обязаны рассматривать различные альтернативы исторических событий, особенно, если они имеют судьбоносное значение для страны и мира. К подобным событиям относится и русская революция, столетие которой отмечается в 2017 г. Некоторые из ее основ и альтернатив, в которых, возможно, заключается та основная правда, правда идеала, ведущая нас в неведомую даль, и представлены здесь. Сейчас, когда наша страна начинает просыпаться после затяжного четвертьвекового мучительного забвения самой себя и начинает наощупь двигаться «без руля и без ветрил» осознанной идеологии, отвечающей на вопрос, чего мы хотим и куда идем, и не имея четкой долговременной программы действий на ее основе, следует спросить себя: а могут ли русские мыслители быть полезны для выработки нашего пути в будущее? Неудовлетворенность существующими социальными формами заставляет обращаться к идеальным конструкциям, созданным величайшими мыслителями с тем, чтобы найти в них рецепты от нынешних невзгод и оптимальные пути устройства будущего общежития. Оглядываясь на наших соседей, мы видим, что в Китае в аналогичных условиях пришли к решению соединить Маркса с Конфуцием. Может и мы найдем выход с помощью наших национальных гениев?

Цель работы — расширить поле обсуждения, включив в него менее известные, а то и полузабытые альтернативы, которые пусть и не реализовались по определенным конкретным, в том числе и субъективным причинам, но могут «выстрелить» в будущем. В данном тексте рассматриваются четыре основы и альтернативы русской революции, которые, на мой взгляд, адекватно и глубоко отразили русский дух и душу. Субъективно их авторы и сторонники могли быть против революции и бороться с ней, но они выявили ее неотвратимость, предчувствовали и идейно подготовили ее. Они, если не предтечи, то провозвестники русской революции.

Слова Бердяева, взятые в качестве эпиграфа, справедливы не только в отношении «провидца и пророка русской революции» Достоевского и «зеркала русской революции» Толстого, но также других мыслителей, труды которых рассматриваются в данной работе, и более широкого круга авторов, включающего славянофилов, западников и представителей других направлений русской философии.

Привлекаются взгляды выдающихся мыслителей, задумывавшихся о преобразовании общества, но не участвовавших непосредственно в организации революции. В соответствии с тезисом Бердяева, что «революции необходимо противопоставить иную — более содержательную и богатую — альтернативу развития» (Бердяев, 1990: 170) представлены авторы, обосновывавшие неревлюционную альтернативу развития России. Это философ А.С. Хомяков, ученый Н.Я. Данилевский, гениальные писатели Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, каждый из которых занимает свое особое место в русской культуре. В работе прослеживается то общее, что присутствует в этих альтернативах, прежде всего, их ненасильственная, христианская основа. С.Н. Булгаков добавляет еще и такие их общие черты: «культурный консерватизм, почвенность, верность преданию, соединяющаяся со способностью к развитию» (Булгаков, 1991: 299). Данные альтернативы ориентируются в экономическом плане на русскую общину, в политическом — на гармонию «земли» и государства, в духовном — на нравственное самосовершенствование индивида. Вместе взятые, они представляют собой одно из глубинных оснований революции, коренящееся в сущностных особенностях русской цивилизации.

Учения о соборности, русской идее, русском социализме и непротивлении злу насилием являются основами и альтернативами происходящих социальных изменений, но они и идеалы, о сути которых Толстой писал в «Обращении к русским людям. К правительству, революционерам и народу»: «Именно потому, что идеал этот нигде еще не был осуществлен, он и есть истинный идеал нашего времени, а кроме того, идеал ближайший и могущий быть и долженствующий быть осуществленным прежде, чем среди других народов, именно теперь в России» (Толстой, 1993: 126). Рассмотренные здесь идеалы выше и той реальности, которая существовала в XIX в., и той, которая имеет место сейчас.

Представленные авторы подвергали сильнейшей критике русскую действительность и жаждали ее фундаментальных перемен, но они были против насильственных действий и за прогресс, прежде всего, в духовно-нравственной сфере. Они мыслили в рамках христианских представлений, хотя в их понимании христианства

были существенные расхождения — от воцерковленного православного Хомякова до обличителя церкви Толстого.

Данные основы и альтернативы можно назвать соответственно *соборно-общинной* (Хомяков), *культурно-цивилизационной* (Данилевский), *православно-социалистической* (Достоевский) и *ненасильственно-нравственной* (Толстой). Соборно-общинная основа включает в себя стремление крестьян получить землю для свободного труда на ней. Она реализовалась в неполной, искаженной форме, а в чистом виде представляла собой альтернативу революции 1917 г. Культурно-цивилизационной основой русской революции стало отношение крестьян к помещикам как к представителям чужой и чуждой им культуры. Она реализовалась в большей мере, но также не полностью, а в виде «мягкого» псевдоморфоза, оставаясь в своем полном виде альтернативой революции 1917 г. Православно-социалистическая основа, выразившаяся в стремлении к миру и братству народов («музыка революции», по А.А. Блоку), реализовалась частично, а как таковая осталась альтернативой революции. То же самое можно сказать про ненасильственно-нравственную основу, которая предстала и «зеркалом», и альтернативой революции. Альтернативность этих основ не только склад несбывшихся надежд, но и программа на будущее, которая может быть сформулирована в виде слов-лозунгов «труд, самоуправление, свобода, любовь, мир, самосовершенствование, братство».

Конечно, ими не исчерпывается тезаурус всех подходов к русской революции. За пределами данного круга остались анархическая альтернатива М.П. Бакунина и П.А. Кропоткина, либеральная альтернатива, с попытки реализации которой собственно и начался первый, февральский, этап русской революции 1917 г., националистическая альтернатива, которая тоже присутствовала в русской общественно-политической мысли. К кое-каким сюжетам, изложенным здесь, автор обращался ранее, но переключка с ними не повторяет сказанного и используется для того, чтобы применить прошлые наработки для решения задач, поставленных именно здесь.

Пейзаж русской души «напоминает пейзаж той земли, на которой она формировалась: та же необъятность, отсутствие каких-либо пределов, устремленность в бесконечное» (Бердяев, 1990: 188—189). Это широта, соединенная со склонностью к самопожертвованию, мессионизмом и максимализмом. О последнем «певец революции» Блок писал: «Жить стоит только так, чтобы предьявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в то, чего на свете нет, а в то, что должно быть на свете, пусть

сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь *отдаст* нам это, ибо она — *прекрасна*» (Блок, 1990: 419).

Чтобы выявить значение представленных альтернатив, надо определить, каковы причины и статус революции 1917 г., задачи, которые ставились ее организаторами, и степень их выполнения, нынешние и возможные будущие последствия эпохального события вековой давности. Революция — это точка, в которой фокусируются и обнажаются все проблемы данного общества, в которой они изживаются и в которой происходит суд над ними. «...Смысл революции есть внутренний апокалипсис истории... Революция есть малый апокалипсис истории, как и суд внутри истории» (Бердяев, 1990: 107—108).

На революцию 1917 г. повлияли тяготы Первой мировой войны, и в целом она стала результатом системного кризиса российского общества, в котором сплелись в один узел причины *экономические* — капиталистические противоречия в промышленности между трудом и капиталом и феодальные противоречия в сельском хозяйстве между помещиками и крестьянами; *политические* — между русской «землей» и русским государством; *цивилизационные* — между хлынувшей в Петровское окно западной и исконной русской цивилизациями; *религиозные*, которые верующие русские мыслители от Хомякова до Солженицына считали главными, а простой народ выражал словами «Бога забыли». Каждая из этих причин имела в России свою специфику и превратила страну в слабое звено мировой цепи государств. Бурный рост капитализма в России в конце XIX — начале XX вв., повлекший за собой формационные и цивилизационные коллизии, упадок религии в высшем свете и простом народе, нерешенность земельной проблемы — все это вместе взятое и привело к революции 1917 г.

На объективные причины наложилось и субъективное их восприятие, изменение поведения населения, его психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок, т. е. причины, которые можно назвать *ценностными*. Следует признать, что в обсуждении причин русской революции первостепенное внимание обычно уделялось экономическим и политическим причинам, тогда как цивилизационные и религиозные отодвигались зачастую на второй план, искажая целостную картину событий. Не отрицая экономических и политических причин и факторов русской революции, надо иметь в виду, что тщательное изучение трудов русских мыслителей XIX — начала XX вв. позволяет глубже понять цели и задачи русской революции. Была ли она неизбежна? Ее фатальной предопределенности не было, но для совладания

с расщепляющими тенденциями, возобладавшими в российском обществе, одних интеллектуальных усилий противников революции оказалось недостаточно.

На наш взгляд, свержение самодержавия стало следствием соединения *трех сил*, которые встретились в русской революции и предопределили ее судьбу, объединившись против четвертой, бюрократическо-монархической, силы и победив ее. Каждую из них можно рассматривать на трех уровнях — стихийном, политическом и идеологическом. Первая сила — *западная, капиталистическая идеология* в ее преимущественно либеральном варианте, которая приобрела влияние на волне развития капитализма в России во второй половине и особенно начиная с 90 гг. XIX в. Большая часть образованного общества накануне революции 1917 г. исповедовала идеалы либерализма. В политическом отношении эта сила была представлена партией конституционных демократов (кадеты) и ее попутчиками, объединившимися в Государственной Думе в «прогрессивный блок». Кадеты имели большинство в IV, последней Государственной Думе и в первом составе Временного правительства, но, как признавал лидер конституционных демократов (она же «партия народной свободы») П.Н. Милюков, либеральным партиям после Февральской революции пришлось «подчиняться целям социализма», т. е. делать именно то, чего они не хотели» (цит. по: Анин, 1991: 57). Это привело к снижению их авторитета, и выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. они проиграли и эсерам, и большевикам.

Деятели Февраля оказались не способны ни сохранить старый порядок, ни создать новый. Они слишком уповали на стихийность самого революционного процесса и на волю народа, которую осуществит Учредительное собрание. А хаос нарастал и требовалась воля к его преодолению. В результате осуществился социалистический выбор — новой общественно-экономической формации, новой общественной морали, нового человека, новой жизни. Если этого не происходит — значит революция не удалась.

Вторая сила — *западная, социалистическая идеология* (в основном марксистского направления), политически представленная социал-демократами (первоначально большинство в Советах имели меньшевики). Представители первых двух сил солидаризировались между собой в основном вопросе революции 1917 г., а именно: они считали, что она капиталистическая по своей сути и должна привести к преодолению препятствий на пути развития капитализма в России. Поэтому мирное «двоевластие» на первом этапе революции 1917 г. и объяснялось тем, что они стремились к одной цели.

Обе силы обнаружили неспособность создать новый прочный государственный порядок и осуществить чаяния народных масс, и преимущество перешло к третьей силе, представленной большинством населения России.

Третья сила — это *стихийное движение масс*, которое послужило отправной точкой революции и в которой преобладали мотивы русского бытового, бессознательного, непосредственного социализма, как называл его А.И. Герцен. Третья сила — это преимущественно сила «земли», в отличие от силы *государства* (обоснование различия этих понятий проводил К.С. Аксаков), и она вышла на первый план в период краха государственности, вызванного революцией. Министр внутренних дел и усмиритель революции 1905—1907 гг. П.Н. Дурново предупреждал царя перед началом Первой мировой войны, что особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет Россия, где народные массы «исповедуют принципы бессознательного социализма» (Анин, 1991: 53). Эта сила была ближе всего к тем идеальным конструктам, которым, собственно, и посвящена данная работа и которые представлены русской идеей с учениями о соборности, общине и русском социализме.

Данные силы смогли, по видимости, легко победить монархические течения, некоторые из которых, представленные в Государственной Думе, сами хотели заменить царя на другую фигуру и способствовали отречению Николая II. Победив монархию и монархистов отмеченные выше силы стали уже бороться между собой, и процесс этой борьбы был главным в период с Февраля по Октябрь. Решающим моментом этого противостояния стало то, что наиболее активная часть второй силы — большевики — поддержала третью силу и встала (по крайней мере временно) на ее позиции. В результате осуществился Октябрьский переворот, а затем его результаты закрепили разгон Учредительного собрания и кровопролитная гражданская война. Была создана новая реальность, которая отличалась и от идеального в европейском духе социализма, и от русского социализма, о котором писал Ф.М. Достоевский. Она стала плодом приспособленного к русским условиям *русифицированного марксизма* и в своем окончательном виде получила название советской цивилизации.

Важно то, что наиболее кардинальные сдвиги в русификации марксизма произошли именно в годы первой и второй революции. Революция 1917 г. началась стихийно и доведена до конца русифицированным марксизмом Ленина и созданной им «партией нового типа». Суть двойного большевистского синтеза в том, что он,

во-первых, соединил марксистские представления с народническими, а, во-вторых, объединил революционную теорию с практикой движения широких народных масс. Тем самым две из отмеченных выше сил оказались вместе.

Русская революция — продукт русифицированного марксизма, в который вошли славянофильские соборно-общинные взгляды, воскресшие в лозунгах «Вся власть Советам!», «Земля — крестьянам!», «Мир — народам!», представления о специфике и псевдоморфозе русской цивилизации, о русском социализме как всеобщем братстве народов, о непротивлении злу насилием и нравственном самосовершенствовании. Особенности русифицированного марксизма по сравнению с европейским социализмом таковы:

- 1) понимание русской революции как антикапиталистической, которую проводит пролетариат в союзе с крестьянством;
- 2) переход на народнические соборно-общинные позиции;
- 3) поддержка в ходе революции стихийного движения широких народных масс, и прежде всего крестьянства;
- 4) представление о строительстве социализма как общем деле рабочих, крестьян и интеллигенции и осуществление этого проекта в исторически кратчайшие сроки;
- 5) поддержка широкого народно-освободительного движения во всем мире и реализация советского проекта как глобального по своему масштабу.

В этой работе речь пойдет прежде всего о том вкладе, который внесла в реальный социализм русская идея в теории (в лице А.С. Хомякова, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого) и в ее многовековой практике. Изначальными базовыми характеристиками русской цивилизации были *терпимость* (основная ее черта, по Данилевскому, в противоположность насильственности как основной черте западной цивилизации), *религиозность* (в ее православном варианте) и *общинность* (основанная на коллективном труде, совместном владении землей и самоуправлении). На основе этого цивилизационного ядра русской культуры были построены в XIX в. идеальные конструкции учения о соборности, о русском социализме как братстве всех людей во Христе и о русской цивилизации как особом культурно-историческом типе.

Эти идеальные конструкции представляют собой общественные и нравственные идеалы, которые не беспочвенны и не оторваны от реальности развития цивилизации, а вызываются ею и воплощаются (конечно, не без изъянов) в ней. Реальность не исчерпывается эмпирической данностью, идейное существует «в онтологическом смысле мира, который находится за миром

эмпирическим, противопоставляется ему и вместе с тем действует в нем» (Бердяев, 1990: 143). Идеальные конструкции — это горизонт, который сам по себе никогда не будет достигнут, но может служить ориентиром, направлением развития человека и общества.

Настоящими вождями русской революции стали разины и пугачевы с «Капиталом» в руках и головах, которые выдавали теперь себя не за чудом спасшихся царей, а за познавших ход мировых событий гениев. Многие исследователи отмечали, что революция осуществилась не совсем, если не сказать совсем не по Марксу. Важным источником русской революции были глубинные особенности русской цивилизации, русской идеи, русского национально-го характера и менталитета и непосредственный, бытовой общинный социализм. За спиной отчаянных и готовых на все главарей стояли частью подхватываемые революционной стихией, а частью равнодушные и сопротивлявшиеся ей основные массы населения России — терпеливые русские христиане и крестьяне, вскормленные в общине. Их взгляды в определенной степени и выражали альтернативные конструкции русской идеи. Выяснение взаимоотношений формационных и цивилизационных истоков русской революции помогает выявить ее специфику и судьбу.

В фундаментальном труде «Истоки и смысл русского коммунизма» Н.А. Бердяев с присущей ему яркостью доказывает, что русский коммунизм коренится в русской идее, хотя она не аутентична ему. Последний проистекает из марксистского социализма, возникшего на европейской почве, и имеет, следовательно, и другие корни, помимо русской идеи. Он детище не только русской, но и европейской цивилизации, и оба начала находятся в нем в диалектическом противоречии. Как протестантская этика способствовала развитию капитализма на Западе, так и православная этика способствовала развитию традиционного общинно-артельного способа хозяйствования в России. Революция 1917 г. стала точкой бифуркации, которая в новых исторических условиях привела к синтезу православно-общинных представлений и реалий с идеями европейского социализма. На основе новой постреволюционной действительности была создана новая модификация русской идеи — советская цивилизация.

Через семьдесят с лишним лет ее идеалы были повержены другими, во многом противоположными. От социализма Россия качнулась в конце XX в. в сторону капитализма, и колесо истории покатило в обратном направлении. Задолго до начала «катастрофы» (как назвал «перестройку» А.А. Зиновьев) прозвучало эмигрантское пророчество: «Россия осуществила торжество исторического

материализма и атеизма; но те закономерности, которые проявились на ходе ее революции, касаются далеко не ее одной. Культ первоначального экономического интереса и всяческой животной первоначальности обильным всходом пророс в сознании народов также и вне пределов России; также и вне пределов ее он не может являться основой длительного и благополучного общежития. Разрушительные силы, накапливающиеся в этих условиях, — рано или поздно одолеют и здесь силы социального созидания» (Савицкий, 1994: 227).

Целостный подход к проблеме революции требует ее оценки с морально-нравственной стороны, возвращающей нас к эпиграфу предисловия. «И в бедствиях, и в зле русской революции заключается уже и некоторое новое добро» (Аскольдов, 1995: 206). Во всходах его — религиозный смысл русской революции. Идеальные конструкты, которые создаются данной культурой, это то добро, которое воплощаясь в «пламенную веру» и проходя через горнило революционного зла, могут творить новое добро, пусть и отличающееся от исходного. Мы жаждем соборности, справедливости, служения, нестяжания, мира, свободного развития собственной цивилизации, ненасилия, нравственного совершенствования, братства народов и т. п., и если зло революции трансформируется в нечто реальное, хоть отдаленно напоминающее первоначальное идеальное добро, то мы готовы принять это. Вдохновленная жаждой добра революция проходит через зло, чтобы осуществить пусть не все желаемое добро, но хотя бы его толику. После революции остается вопрос: а стоило ли браться за оружие? Может быть крушение «кумира революции» — это тоже добро, осуществлению которого помогает революция?

А.И. Солженицын, вслед за Г.В. Флоровским, считал русскую революцию необратимой, несмотря на то, что еще при жизни знаменитого писателя произошел контрреволюционный переворот, и социализм сменился капитализмом. Но, как поется в песне, «осталась музыка», музыка революции, слушать которую призывал А.А. Блок, и отзвуки которой доходят до нас до сих пор. 1917 год перевернул судьбу России и оказал огромное влияние на весь мир. По Р. Роллану, русская революция — новый и еще более важный шаг вперед по сравнению с Великой французской революцией (капиталистические революции Герцен вообще называл «полурешениями» — Герцен, 1994: 133). Она знаменовала собой вторжение идей социализма в государственную жизнь.

Русская революция стала крупнейшим, кульминационным событием истории XX в., во многом предопределившим пути

развития мировой цивилизации. Одни восприняли ее как праздник свободы, другие — как «гибель любви» (Булгаков, 1991: 295). Разные люди видели в революции то, что им хотелось. Одни видели или слышали идеальную основу («музыку»), другие — какофонию хаоса. И в результате даже близкие друзья расходились в разные стороны и отказывались пожимать друг другу руки. Вряд ли когда-нибудь удастся создать общую и устраивающую всех концепцию русской революции. Альтернативность ее истоков ведет к альтернативности самих итоговых концепций и результатов. Но для того, чтобы объективно разобраться в прошлой и нынешней российской реальности, следует постоянно обращаться к сути русской революции и русской идеи и их соотношению с иными идеологическими течениями. Чтобы предвидеть будущее, надо понимать прошлое.

Список литературы

1. *Анин Д.С.* (1991) Революция и ее историография (Введение) . — В кн.: Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. М.: Современник. 381 с. С. 7—96.
2. *Аскольдов С.А.* (1995) Религиозный смысл русской революции. — В кн.: Антихрист (из истории отечественной духовности): Антология. М.: Высшая школа. 415 с.
3. *Бердяев Н.А.* (1990) Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 224 с.
4. *Блок А.А.* (1990) Интеллигенция и революция. — В кн.: А. Блок, А. Белый: диалог поэтов о России и революции. М.: Высшая школа. 687 с.
5. *Булгаков С.Н.* (1991) Христианский социализм. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е. 350 с.
6. *Герцен А.И.* (1994) Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону. Письмо третье (1854). — В кн.: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Ч. 1. М.: Наука. 332 с.
7. *Савицкий П.Н.* (1994) Евразийство. — В кн.: Русская идея: в кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья. — В 2 т. Т. 1. М.: Искусство. 539 с.
8. *Толстой Л.Н.* (1993) Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу // Толстовский листок. М.: «Мамонтовский дом»; «Музей русской народной живописи». Вып. 3. С. 126—129.